

О ТОМ, КАК играет Сухаревская, чаще всего говорят: удивительно, неведомо как сделано. Сама же актриса, отвечая на вопрос, как она работает над ролью, отшучивается: «Как хозяйка, которая готовит суп. Она же не заглядывает все время в поваренную книгу и не взвешивает все продукты — кладет по вкусу. Хороший будет суп — хорошая хозяйка. Невкусный — плохая. Так и я». В свою актерскую кухню она не пускает никого. Это место — свято. И, быть может, именно оттого во всех ее созданиях всегда есть воистину неведомая, чарующая сила.

Сухаревская — страстная оптимистка. «Я верю, — говорит она, — что наш мир, несмотря на все его страдания и тревоги, очень гармонично устроен». И оттого еще яростнее воюет она против всяческого проявления человеческой несправедливости, жестокости, нечестности, эгоизма.

Лучшим свидетельством тому — две последние работы актрисы, с которыми знакомятся сейчас ленинградцы на гастрольных спектаклях Московского драматического театра на Малой Бронной: председатель горсовета Мария Сергеевна Щелканова — героиня пьесы Л. Леонова «Золотая карета» и миллиардерша Клер Цеханассьян — героиня трагикомедии Ф. Дюрренматта «Визит дамы».

Роли эти — не то что различные, они — полярны.

Вот в захолустном городке Гюллене, живущем ожиданием приезда миллиардерши Цеханассьян и ее милостей, появляется она сама. Экстравагантная и молодая, в черном бархате, с красной розой на груди и в красных перчатках до локтя, в шляпе из диких волос. «Конец света», — скажет один из горожан, когда экспресс, всегда пронесшийся мимо Гюллена, вдруг остановится в нем. И будет недалеко от истины. Клер своим миллиардом убьет в гюлленицах все человеческое — это будет действительно как конец света.

«Искусство во всем мире нуждается в глубоком оптимизме, в радостной вере в жизнь, в стойкости и доброте», — писала Л. Сухаревская. И все роли актрисы, все ее творчество устремлены к этой доброте, к пробуждению в человеке человеческого. Нельзя прощать моральной нечистоплотности, проступков совести, главное — компромисса ни в чем. Потому что все это может привести к печальному и трагическим последствиям. Сухаревская во многих своих ролях говорила об этом, предупреждала нас, боролась с этим злом. Но такой ярости, отчаянности, что выплеснулись в поставленном А. Гончаровым «Визите дамы», право же, не было ни в одной из предыдущих работ.

Ленинградцы постарше, наверное, помнят, как лет тридцать назад в спектакле Театра комедии «Опасный поворот» Дж. Пристли Сухаревская играла Бетти. Ее героиня, хрипло и цинично швырявшая в лицо уважаемому пошляку беспощадную правду, словно мстила этому продажному обществу, добродетельности которого была лишь маской. Не здесь ли впервые зазвучала у актрисы тема, которая продолжится и в ибсеновской Гедде Габлер, и в Хэзоне («Дом, где разбиваются сердца» Б. Шоу), и в Клер Цеханассьян, — проблема соответствия личности и общества, проблема гармонии мира, гармонии человека.

Сохраняя верность авторам, особенностям их драматургии, Сухаревская не умеет быть равнодушной в своих работах, находит в ролях не только свою интонацию, но и свою тему. Со свойственной ей бескомпромиссностью, неуступчивостью играет Сухаревская своих героинь.

Гедда, Хэзона, Клер... Три образа, три пьесы, три драматурга. Эти образы (особенно Хэзона и Клер) — этапные не только в творчестве актрисы. Это своеобразные этапы развития общества, запечатленные Г. Ибсеном, Б. Шоу и Ф. Дюрренматтом. Развивается мир, а вместе с ним прогрессируют и его пороки. Элегантный цинизм и душевная ранимость Хэзона превращаются в отчаянную жестокость и откровенный цинизм Клер. Она становится не только жертвой, но и орудием зла.

Играя Клер гротескно, фарсово, Сухаревская создает образ трагедийный. Неведомо как переплетает

гюлленицев. Происходит своего рода круговорот зла. Тот круговорот, который, разрастаясь, может обернуться катастрофой, если вовремя не остановить его. Остановить необходимо. И Сухаревская вместе с Б. Тениным — Иллом пытается разорвать этот порочный круг.

Актрисе мало сыграть только драму социальную. Пожалуй, проблемы нравственные в первую очередь ее волнуют, а через них она приходит к проблемам социальным. Это характерно для всех ее работ.

...В своей пьесе «Золотая карета» Л. Леонов выразил, по его словам, «мысли о долге, о чести,

ДВА ВЕЧЕРА И ВСЯ ЖИЗНЬ

— Кем вы мечтали стать в детстве и кем бы вы стали, появившись возможность начать все сначала?

Л. СУХАРЕВСКАЯ:

— Актрисой. Кем бы я ни была, я бы мечтала об этом, жила бы только для этого.

ет она в своей героине жестокость и вульгарность, цинизм и мудрость, эти подчас, кажется, взаимоисключающие друг друга качества, и за всей властью Клер и какой-то утонченной вульгарностью находит искаленную судьбу, злую душу, жаждущую мести, которая сама теперь калечит все живое.

Клер мстит тем, кто сделал ее такой. Ожесточившись в борьбе за жизнь, она сама стала поистине адом, и только жестокость, горючую, страдательную, несет она людям. «Жизнь прошла, но я ничего не забыла, — отвечает Клер на слова любимого ею когда-то Илла о том, что все уже пережито, — ничего... Мы оба стары теперь. И все-таки я хочу, чтобы мы рассчитались... Поэтому я требую справедливости. Справедливости за миллиард». На одном дыхании, не расщепивая интонаций, без малейшего нажима, ровным голосом произносит Клер — Сухаревская слова главного своего монолога. Но в этом внешнем спокойствии — и счеты с прошлым, и месть ему, и вся ненужная, жестокая жизнь. (Один из любимых и интереснейших ходов Сухаревской — за внешней бесстрастностью, сухостью — океан чувств, страстей, эмоций).

Только раз позволяет Сухаревская своей героине повысить голос — когда скажут ей, что требование убить Илла бесчеловечно, несправедливо. Тут у Клер вырвется наружу страстная буря ненависти и жажды справедливости, жажды отмщения этому миру: «Бесчеловечно! — кричит Клер. Это — как прорвавшийся нарыв, все, что копилось в Клер годами, все, что пережито более ранними героинями Сухаревской — Геддой и Хэзонай, — весь гнев, вся ненависть, вся боль. И если ни Гедда, ни Хэзона никогда Сухаревская не позволяла закричать, то здесь чаша терпения переполнена. — А это было человечно, когда рыжая девчонка в матроске уходила из этого городка? Я была беременна. На улице меня догоняли цыганские гюлленицы. Я чувствовала себя погибшей...»

Месть Клер, ее зло порождены несправедливостью, жестокостью

о легких и трудных путях в жизни, о счастье, добытом ценой усилий, жертв, лишений. Самые различные представления об этих ценностях, существующие у персонажей пьесы, словно бы скрещиваются, сталкиваются в судьбе Марии Сергеевны, роль которой Сухаревская играет поистине с филигранным мастерством и огромным духовным волнением. Для городничих, как с любовью называют Марию Сергеевну, небольшой, израненный войной город — самое дорогое, что есть у нее на свете, это — ее мечта, ее жизнь. Не по обязанности, не по должности, а по долгу, величайшему долгу своего сердца отдает она всю себя людям, делу. И громкая, и очень сухая вроде бы фраза — «Нам о личных горестях думать некогда», произносимая Сухаревской с огромной внутренней убежденностью, звучит не как голый и неискренний тезис, а как единственно возможный для нее критерий жизни, служения людям.

Некогда было думать о личных горестях и санитарке Симе, персонажу инсценировки повести В. Максимова «Жив человек». Роль, эпизодическая в пьесе, в силу таланта Сухаревской стала главной в спектакле. Ее Симка богата добром, человечностью, велика сердцем своим. На наших глазах человек ежеминутно, не считая и не вымеривая, раздавал богатства своей души и сам с каждым часом становился душевно богаче. Это богатство — не от земли, не от людей, не от того, что Симка среди них, что знает — зачем она? Дружеская прямота Симы — не от войны ли она, где люди открыты друг другу, где они то, что есть, со всеми своими силами и слабостями?

Тема войны, пришедшая в творчество Сухаревской на рубеже сороковых-пятидесятых годов, прочно закрепилась в нем. Каждый раз по-новому, в различных поворотах, будет возникать она и в образе военврача Александры Петровны (фильм «Бессмертный гарнизон»), и в небольшой роли Улыбышевой (фильм «Звезда»), и в Симе («Жив человек»), и в Антонине («Несущий в себе» — спектакль и фильм).

За Антониной — Сухаревской вставали все тревоги, все волнения и победы, которые она пережила вместе со своими современниками и со своей страной. Мужественная правда исполнения актрисы рождалась прежде всего внутренним правом говорить о своей героине как о человеке одной с собой судьбы. Это была воистину вы-

страдающая роль, роль долгожданная. Мечта о такой роли, мечта сыграть свою современницу и воплотилась в сценарии «Несущий в себе», написанном самой актрисой. Это — как сердца боль.

Болью сердца был согрет и образ героини драмы К. Чапека «Мать». В отличие от многих предыдущих трактовок этого образа, Сухаревская совсем не играла трагическую героиню, ее Мать была удивительно своей, домашней, была до боли похожа на сотни матерей и вдов наших, потерявших на войне мужей, сыновей своих (такая узнаваемость, угаданность свойственна всем работам Сухаревской — можно вспомнить и фильмы «Дожди», «Она вас любит», «Двадцать лет спустя», и спектакли «Директор», «Несущий в себе»). Она сыграла чапековскую Мать, обогатив ее горьким и мудрым опытом поколения, которое видело войну в глаза.

Наверное, этот опыт — и в образе Марии Сергеевны, в той высшей человеческой мудрости, которой наделяет свою героиню актриса. Мудрость ее не в том, что она отправляет свою Марьку в «золотой карете» вроде бы близкого и реального, но во многом и призрачного, счастья, а в том, как сама Мария Сергеевна, Машенька Порошина, живет в этом городе, на земле, которая словно питает ее своими соками, среди людей, которым необходима.

...Два вечера провели мы вместе с героинями актрисы. А за этими двумя вечерами — весь нелегкий ее путь в искусстве. Путь постоянных исканий. Путь нашего современника. «Чтобы быть современным, — говорит Сухаревская, — надо знать жизнь, жить в ней, дышать порами ее. Актрису мало думать головой, надо думать сердцем и чувствами». Она не только так говорит — делает. Постигает глубины жизни, глубины образов не только умом, но и сердцем. Потому так и хочется, говоря о Сухаревской, вспомнить определение В. Маяковского — «осердеченный ум».

Она — вся в жизни, в искусстве. Кристально честный художник — «Сухаревская — совесть нашей профессии, нашего дела», — говорит А. Эфрос. — Сухаревская любит театр, любит жизнь безоглядной, всепоглощающей любовью.

Оттого и во всех ее созданиях всегда присутствует настоящее жизнеутверждение. Оно — в самом характере, в самом таланте народной артистки РСФСР Лидии Павловны Сухаревской. «Я люблю, — говорит она, — когда снег идет, и еще люблю, когда проклевываются почки, я все люблю».

Ю. КРАСНОВ

НА СНИМKE: народная артистка РСФСР Л. П. Сухаревская.

Фото А. СТЕЛЬМАХА